

Глобализация и культура*

В литературе по проблеме глобализации есть много путаницы и противоречий. Поэтому надо начать с анализа этого понятия, определить его содержание и границы, а прежде всего ответить на вопросы: каковы временные параметры данного явления, какие сферы жизни оно охватывает, каковы его структура, функции, истоки и направление развития.

В многообразных определениях сущности глобализации обнаруживаются общие черты, которые сводятся к следующему:

- а) это объективный естественно-исторический процесс, характеризующий внутренние потребности развития современной цивилизации, с наибольшей интенсивностью проявившийся в последней четверти 20 века,
- б) это системный процесс, проявляющийся в умножении и усложнении социальных связей, действие которого приводит к наднациональной и надгосударственной интеграции прежде всего в сфере экономики, техники и технологии, информации, политики, права, управления и возникновению в результате некоей сложной системы, которая начинает функционировать как единый организм со своими структурами и институтами,
- в) в ходе этого процесса возникают затрагивающие основы существования человечества (социума и отдельного человека) проблемы, решение которых невозможно локальными усилиями (так называемые глобальные проблемы),
- г) развертывание процесса глобализации в современной цивилизации оказывает влияние на жизнь общества (формирование новых потребностей, условий и форм коммуникации, ценностных ориентаций, форм и способов самоидентификации личностей и социальных групп), на образ жизни и менталитет людей,
- д) складываются особые отношения между глобализацией как качественной характеристикой уровня развития современной цивилизации и культурой. С

одной стороны, появляются новые формы и способы функционирования культуры, возникают предпосылки для содержательно-ценностных изменений внутри культуры, с другой стороны, культура активно отвечает и сама начинает воздействовать на идущий цивилизационный процесс. В этом взаимном влиянии проявляются как положительные факторы (оптимизирующие поступательное развитие), так и негативные (деструктивные для обеих сторон).

Как показывает анализ литературы в ней преобладают экономический, политологический, социологический, экологический подходы к проблеме глобализации. Когда же речь заходит о соотношении “глобализации” и культуры, то вместо теоретического анализа, как правило, находим серию публицистических высказываний, суть которых сводится, во-первых, к демонизации феномена глобализации, а во-вторых, к констатации ее губительности для существа культуры, к перечислению негативных факторов этого влияния и, в конечном счете, к утверждению их несовместимости. Поскольку проблема данного соотношения реально существует, назрела и острая потребность в ее философско-культурологическом рассмотрении, некоторые возможные подходы к которому будут изложены ниже.

Системность. Если глобализация – это системное явление, то ее следует изучать системно, а это значит, что нельзя ограничиваться рассмотрением только ее элементного состава или функциональных проявлений, необходимы также генетически – исторический и контекстуальный анализ. Можно ли считать, что глобализация налетела неожиданно подобно урагану и теперь как неуправляемая стихия несет всех к катастрофе, которую предрекают многие современные авторы? Неужели этот процесс не имел никаких аналогов в истории и никаких истоков, которые можно было бы проследить? Кроме того, все говорят о процессе глобализации, но любая процессуальность имеет не только футурологическое измерение, у нее обязательно есть прошлое. в лоне которого она структурировалась и обрела ту или иную ориентацию. Другое дело, что, как учит синергетика, сложные

системы развиваются нелинейно, периодически происходят скачки и взрывы, необъяснимые с точки зрения эволюционной логики. Тем не менее, эти взрывы подготовлены длительным накоплением многообразных предпосылок и их определенным структурированием. Интенсивность процесса глобализации, характеризующего состояние развития современной цивилизации, не может быть обусловлена исключительно техническими, информационными, экономическими факторами, системность глобализации состоит не только в механизмах и последствиях, но и в предпосылках и в свойствах того макроконтекста, в недрах которого она зарождалась и развивалась.

Контекст. Что является таким контекстом? Сложилось устойчивое мнение, что глобализация— это цивилизационный процесс, который располагается прежде всего в материально-практической сфере, захватывая области технологии, информации и управления. Культура оказывается в стороне и влияние на нее вторично, производно от изменений в указанных сферах. Но сколько бы не писали (и совершенно обоснованно) о различии цивилизации и культуры, все же они являются двумя измерениями единого целого, а именно процесса исторического развития человечества. Часто в гуманитарных и общественных науках можно встретить ссылку на принцип дополнительности, открытый Нильсом Бором, который трактуют как взаимодополняющий союз двух частей целого. Однако это упрощенное понимание, ибо когда Бор писал, что существует два типа истин простые и сложные, противоположностью первых — является ложь, а вторых—другая сложная истина, то в приложении к нашему предмету это означает, что цивилизация и культура не соседствующие области, а единое целое, взятое в разных ракурсах рассмотрения. Исходя из этого, следует заключить, что человеческая цивилизация и человеческая культура не существуют отдельно друг от друга ни в каком интервале абстракции, что субъектом того и другого является человечество, а содержанием— исторический процесс его развития, что само по себе устанавливает глобальный масштаб рассмотрения. Таким

образом, история человечества – контекст изучения глобализации и ее взаимоотношений с культурой.

История. По поводу отношения “история и глобализация” существуют разные точки зрения, которые обобщенно выражают три основные позиции. Согласно первой: – “объективно человеческая история всегда была единой, общей и в каком-то смысле мир всегда был глобален” (Толстых В. И. Глобализация в социокультурном измерении. //Труды Фонда Горбачева. Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М., 2001, С.220), “Исторический процесс, представленный как развитие совокупного социального организма, направлен на достижение предельной целостности последнего. И именно весь ход реализации данной целевой функции, определяющей вектор исторического процесса, мы предлагаем назвать *глобализацией*. Глобализация, таким образом, представляет собой характеристику одной из составляющих совокупного процесса реализации жизненного цикла Мегасоциума в целом, иными словами, процесса, который включает этапы зарождения, роста и развития.” (Азроянц Э. А. Глобализация как процесс. // Материалы...семинара Клуба ученых... Вып.5 .М., 2001, с.5). Эта позиция вызывает возражения авторов, видящих в ней утверждение наличия в истории какого-то целевого предназначения, в соответствии с которым определяется глобальный смысл и направление исторического процесса. Согласно этой позиции нельзя ставить знак равенства между процессом глобализации и историей человечества, поскольку тогда просто отпадает необходимость в двух различных терминах, а самой истории навязывается телеологический смысл. (Акопян К. З. Пределы глобализации. Доклад на 3 международной конференции “Глобализация современного культурного пространства и литературный процесс. Художественные модели мира.” РГПУ им. Герцена. Март 2002 г.). Но возможна и третья позиция, суть которой в том, что надо не ставить знака равенства между историей и глобализацией или искать какую-то разумную целенаправленность развития, но осознавать, что, во-первых, термин

“глобализация” возник для обозначения одной из стадий (современной) процесса исторического развития, поэтому противопоставлять их столь же неуместно, сколь и отождествлять, а во-вторых, что смысл истории следует искать не в проекции на нее какой-либо цели, а в том, что исторический процесс – это накопленный веками и даже тысячелетиями опыт человечества (и это объективный фактор), который составляет фундамент объективной *общности, целостности, единства человечества* как в аспекте цивилизации, так и в аспекте культуры (что является объективным историко-генетическим потенциалом процесса глобализации на каждом временном отрезке его конкретного осуществления). Этот совместный опыт накапливался благодаря множественным взаимосвязям, взаимовлияниям, взаимоотражениям, но и взаимоотторжениям, слияниям, подавлениям, поглощениям, которые происходили на длительном пути исторического развития. В разные периоды истории эти процессы разворачивались в разных сферах жизни человечества – в религиях, языках, искусстве, политике, технологиях и производстве. Для человечества, цивилизации и культуры последствия этих процессов, тянувшихся иногда столетиями, были часто грандиозны и глобальны. То, что мы называем сегодня глобализацией – эпизод исторического процесса, хотя и качественно своеобразный, как и все в истории. Он имеет свою сферу концентрации и происходит с высокой степенью интенсивности в сжатые исторические сроки, но это все же не дает оснований для его абсолютизации или мистифицирования.

Культура. Можно выявить несколько наиболее характерных точек зрения на проблему соотношения культуры и глобализации. Большинство авторов сходятся в описании негативных для культуры последствий современной глобализации, среди которых на первом месте стоят унификация культурно-исторических форм на основе базовой модели, стандартизация, беспредельное распространение различных культурных образцов, отделение знаков от ценностных смыслов, следствием чего оказывается тотальная симулякризация культурного пространства, нивелировка ценностей, утрата

символического значения произведений культуры, утрата субъектной идентичности (исторической, национальной, этнической, личностной), подавление индивидуальных творческих способностей, общее упрощение и уплощение культурных содержаний, стимулирование распространения массовой культуры. Все эти критические суждения о характере современной культуры сводятся к вредоносному воздействию глобализации. Но возможно ли, чтобы материальные и информационные процессы произвели столь глубинное содержательное разрушение культуры в самих ее основаниях. С другой стороны, когда перечисляют позитивные моменты влияния глобализации на культуру, ограничиваются лишь функциональными механизмами: расширение возможностей культурного обмена, расширение границ восприятия, активизация образовательного процесса в связи с расширением информационного поля. Получается явное несоответствие этих двух сторон и критериев их оценки. По-видимому, следует отличать существо процессов, происходящих в современной культуре, имеющих свои культурные и социальные корни и собственную историческую логику развития, понимать, что многие черты современной культуры (например, нивелировка ценностей, снижение потенциала творческой самобытности субъекта, симулякризация, стирание идентичностей, разрастание массовой культуры) стали проявляться задолго до того, как начался, так называемый, современный период глобализации, отличать от тех обстоятельств, условий и механизмов функционирования современной культуры, которые лишь усиливают проявление и действие указанных свойств и черт.

Границы Отношение к границам – это тот общий принцип, который позволяет по одному основанию сопоставлять культуру и процесс глобализации. Глобализация – *надграницность*, тенденция к расширению пространства взаимодействия, пространства, существующего как бы *поверх* пределов локальных пространств и структур, формирование общего и единого центра, вокруг которого структурируется новая целостность. Таким образом, это – стремление к новой интегрированной целостности, т. е. не

деструктивность, а формирование другой структуры, имеющей центр, систему функций, в том числе и регулятивных, сосредоточенных на обеспечении эффективности нового образования. В ходе процесса глобализации можно обнаружить две тенденции: – спонтанного развития, как свойства неуклонного развития цивилизации, расширения ее потенциала, неизбежно присущими им степенью неупорядоченности и неуправляемости процесса, особенно в неосновных и периферийных областях (именно здесь накапливаются негативные последствия процесса) и тенденцию управляемого упорядочивания, выражающую стремление к объединению усилий и возможностей разрешения так называемых “глобальных проблем”, к оптимизации совместного удовлетворения сходных и общих потребностей развития (для этого создаются всевозможные объединяющие институты, регулирующие развитие мировой экономики и политики, межнациональные организации культуры, как постоянные, так и временно действующие, вырабатывающие механизмы и стратегии решения возникающих проблем). Следовательно, неправильно представлять глобализацию как в принципе неуправляемую стихию, неизвестно к чему приводящую, на пути которой надо срочно ставить заградительные сооружения.

Единство и борьба противоположностей. Любой процесс развития сложной системы представляет собой не однородный поток, а противоречивое сплетение различных векторов, действие одних интенций провоцирует образование противоположных направленностей. Так, генеральное движение глобализации к интегративному надграницному пространству активизирует оппозиционное стремление сохранить и упрочить границы локальных пространств, направленность к формированию единого центра порождает активизацию в сторону множественности и разнообразия локальных центров. Именно такая борьба противоположностей характерна для состояния культуры в условиях усиления глобализирующих тенденций в сфере цивилизации. Чем сильнее прогрессируют интеграционные процессы в мировой экономике, политике, информационных технологиях, тем

явственной пробуждается интерес к традиционным формам культуры, к исторически устойчивому классическому наследию, к этно-национальным культурным ценностям, запечатленным в ритуально-обрядовых и других формах. Именно формы выражения традиционности играют главную роль противовеса наднациональной интеграции. Но все-таки нельзя не видеть, что это две взаимообусловленные, взаимосвязанные стороны одного процесса, а не столкновение двух несовместимых противоборствующих систем. Такое взаимодействие уравнивает процесс, оберегая его от ускорения и разрастания масштабов, непредсказуемых по своим последствиям. Уже появляются соответствующие институты для регуляции отношений между наметившимися полюсами. Так, возникла идея мультикультурализма, как обеспечения условий и механизмов для свободного выражения разнообразного культурного опыта различных этно-национальных и региональных субъектов в рамках единого пространства их экономической, политической, информационной интеграции. Появилась потребность в выработке совместной, надгосударственной культурной политики, направленной на воспитание и правовое обеспечение так называемой “культуры толерантности”, то есть согласования ценностных различий на принципах взаимного уважения и разумного взаимоограничения (своего рода общественный договор в сфере культурной политики). Осознание необходимости таких институтов и механизмов говорит о том, что интегративные сферы управления нужны не только экономике, но и культуре, что совместный процесс развития цивилизации и культуры выходит из стадии стихийности и приводит к пониманию ценности *культуры управления* и, если угодно, *культуры* глобализации.

Еще раз о границах. Как уже выше говорилось, отношение к границам – общее основание, по которому можно сопоставлять культуру и глобализацию. Культурная реальность – это особая целостность, выражающаяся в единстве языковых, мировоззренческих, ментальных смыслов, образованных взаимным согласованием, взаимным отражением

ценностных значимостей бытия субъекта культуры в мире, то есть существует как пограничность этих отношений. Творчество новых культурных смыслов происходит как раз на границах, на пересечении существующих смыслов как в синхроническом, так и в диахроническом измерении. Культура нужна человеку только как живая сфера осмысления, ценностного переживания мира, в котором человек существует, идентифицирует и реализует себя – здесь не может быть неизменных вечных значений. Культура – символическое смысловое пространство, а смыслы, в отличие от значений, рождаются и умирают тогда, когда человек находится в состоянии постоянного вопрошания, поиска смыслов своего существования. Традиция не является окостеневшей системой значений, она просто задает более устойчивую систему координат этого поиска. Динамичная современная культура, лишенная аксиологической устойчивости и иерархичности, создает другие условия для смыслотворчества. Плюралистичность ценностей только умножает степень смысловой граничности, а значит, обостряет, но и усложняет проблему выбора и самоопределения субъекта в культурном пространстве. Открытость границ между разными культурными мирами, новые условия общения культур способствуют расширению горизонтов новых смыслообразований. С другой стороны, соотнесение этой расширяющейся множественности с традицией оказывается новым импульсом культуротворчества, помогающим осуществлению самоопределения субъекта в социокультурном мире.

Итак, жизненность культуры – творчество смыслов на границах культурных миров, то есть, культура живет не внутри границ, а на их пересечении, когда они не просто сосуществуют, а находятся в состоянии диалога, т. е. отношении: вопрос–ответ. Диалог невозможен как при условии стирания границ, так и при условии их непроницаемости. Культура, как писал М. М. Бахтин, *не имеет своей территории*, что означает отсутствие каких-либо объективных препятствий для миграции и творчества культурных смыслов ни в пространстве, ни во времени. Субъективным препятствием

может стать только отсутствие установки на диалогическое общение и языковое непонимание. В этом отношении искусство оказывается непревзойденной по возможностям формой и способом осуществления межкультурного диалогизма. Поэтому усиление участия искусства в жизни человечества на современном этапе цивилизационного развития трудно переоценить. А глобализация, в свою очередь, создает условия в сфере образования и информационного обмена для повышения коммуникативного потенциала культуры.

Идентичность Поле культурных смыслов определено содержанием субъекта культуры, а он осуществляет и понимает себя в горизонтах этой культуры, поэтому самоопределение культуры как целостности и субъекта культуры как такового совпадают. Осознание этой определенности требует выявления и обозначения границ, отделяющих одного субъекта культуры от другого, одну культурную целостность от другой. Культурная целостность и субъект культуры принадлежат к символической реальности – сфере выражения смыслов и находятся во взаимосвязи с социальной реальностью – сферой устойчивых и объективных социальных структур. Самоопределение социального субъекта (исторического, национального, социально-группового, личностного) и общества, как системы отношений между различными социальными субъектами, происходит на основе их социально-экономического и социально-политического взаимодействия и имеет объективные, достаточно устойчивые показатели, фиксирующие положение субъекта в системе в целом. Социальное самоопределение субъекта происходит через выявление общности, к которой он себя относит – того коллективного “мы”, которое соответствующим образом конституирует его, задавая ориентации, целевые установки, принципы взаимодействия с другими субъектами. Для социальной системы первичны интеграционные процессы, успешный ход которых обеспечивается выработанными в рамках социальной общности образцами поведения, нормами, регулятивами, поддерживаемыми социальными институтами.

Символическая реальность культуры и социальная реальность взаимообусловлены, но не совпадают, прежде всего, в своих границах. Если социальная реальность организована системой объективно фиксируемых устойчивых структур, имеющих общепризнанные границы, то границы культурной реальности не столь очевидны, их значения проступают только во взаимном соотнесении и должны вновь и вновь интерпретироваться субъектами культуры. Следовательно, социокультурная реальность требует осуществления двух обязательных форм самоопределения, идентификации субъекта – как социального субъекта в социальной действительности и как субъекта культуры в культурном мире. Вместе с тем социальная и культурная идентификации являются разными аспектами целостной субъектности, принадлежащей единой социокультурной системе. Культурная идентификация играет определяющую роль в самосознании субъекта, когда он пытается определить, что есть он сам, что есть он сам для себя и мир внутри него и для него. В сфере общения и поведения главными оказываются вопросы: – «я» для других, «я» глазами других и «я» для себя через восприятие «других». В этом случае в процессе идентификации первична социальная мотивация, активно использующая культурную семиотику. А в аспекте культурной идентификации в сфере коммуникации социальные смыслы акцентируются и вносят в ценностно-смысловую структуру культуры социально-прагматические ориентации.

Стержнем процесса идентификации является понятие идентичности, ставшее одним из ключевых понятий современных наук о культуре и обществе. Проблема идентичности собственно и возникает с изменением представлений о принципах детерминации в социокультурных системах и о взаимоотношениях универсального (социально-исторического, историко-культурного, социо-культурного) и отдельного, индивидуального, то есть с отказом от трактовки индивидуального в обществе и культуре как автоматической проекции универсального порядка. Идентичность выступает как феномен диалектической взаимосвязи индивидуального и общего, где

последнее теряет статус объективной непреложности. Понятие идентичности позволяет взглянуть на субъектность как на многослойное образование, имеющее немало модификаций и смысловых оттенков. Таким образом, в современной трактовке идентичность – мера соотношения субъективной и объективной реальности, индивидуальной и внеиндивидуальной субъектности, осознание которой имеет экзистенциальное значение для субъекта, определяет его ориентации, оценки и самооценки, его поступки и коммуникативное поведение.

Потребность в идентификации нарастает по мере усиления дифференциации человека и природы и внутренней усложненности социокультурной реальности. П. Бергер и Т. Лукман характеризуют тип идентичности, свойственный минимально дифференцированным обществам, как тип очевидных идентичностей – «идентичность целиком представляет ту объективную реальность, в которую она помещена. В сложноорганизованных системах процесс идентификации выглядит уже не столь жестко детерминированным основополагающими социальными структурами. В условиях утраты строгих социально-статусных и ролевых императивов, отчуждения социальных институтов от непосредственной жизни людей складываются «вероятностные структуры» социальной реальности, порождающие множественность идентичностей. Индивидуум поставлен перед выбором самостоятельно решать вопрос: кто он такой? – «Индивидуалист, – полагают П. Бергер и Т. Лукман, – возникает как специфический социальный тип, у которого есть по крайней мере потенциал для миграции по множеству доступных миров и который добровольно и сознательно конструирует «я» из «материала» различных доступных ему идентичностей» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995, с. 276). В таком обществе идентичность понимается как самость (Selbigkeit), то есть форма индивидуальной нетождественности внешним социальным структурам и их требованиям и невыводимости из них, а значит, самодетерминированности. По мнению социологов, в западном

обществе конца XX века «самость» постепенно утрачивает какую-либо идентичность. Самость становится фрагментарной, ситуативной, чисто соотносительной, то есть обретает кратковременную определенность только в том или ином соотношении с другими. Если о ней и можно говорить, то только как о «псевдо-самости» (или «мультифренической самости» – К.Герген, «симулированной самости» – Ж.Бодрийяр), исходя из потери ею целостности, упорядоченности (Wenzel H. Giebt es ein postmoderne Selbst? Neuere Theorien und Diagnosen der Identität in fortgeschrittenen Gesellschaften/ Berliner Journal für Soziologie? Heft 1, 1995, 113-129). В современной социальной философии проблема идентификации становится ключевой в качественном анализе субъектности. Выделяют два основных вида идентификации: социальную и персональную. Социальная идентичность – ориентация на определенную общность, выраженная в организации соответствующих коммуникативных стратегий, связанных с коллективными ролевыми ожиданиями, в упорядочивании различных ролей, которые выбирает индивид. Социальная идентичность гарантирует внутреннюю согласованность компонентов, входящих в структуру индивидуальности, определяющих ее самость. Персональная идентичность, то есть самоидентичность, – самоиспытание индивида в отношении к абстрактно понимаемой общности, избрание из нее элементов, соразмерных себе, выдвижение индивидуальных целей, персональных проектов. Таким образом, в современных науках об обществе идентичность трактуется как качество конструктивной консистенции, континуальности, согласованности, составляющих организационную основу субъекта. Эти свойства позволяют судить о нем как об относительно устойчивой и протяженной целостности, отличной от целостности других субъектов. Самоидентификация субъекта включает в себя такие компоненты, как саморефлексия, самосоотнесенность с другими субъектами и общностями и самоконструирование, то есть выстраивание определенной упорядоченности своих соотношенностей (Wenzel. там же, 1995, 129-131).

Процесс идентификации в социальном мире происходит в условиях объективной детерминированности организацией социальных структур, степенью их стабильности, вариативности, жесткости их границ, мерой строгости ролевых предписаний и ожиданий, которые предоставляют личностям и группам определенный диапазон для выбора социального пути и построения модели своего социального проявления. При этом социальная идентификация нуждается в знаках, заимствованных из сферы культуры, позволяющих субъекту выразить и обозначить себя в социальных коммуникациях. В отличие от объективно детерминированной социальной идентификации, культурная идентификация осуществляется по принципу возможности. Культурная идентификация не дает субъекту уверенного статуса, а является незавершаемым процессом выяснения последнего. Границы культурных общностей неявны и всегда взаимоотнонительны, а характер коллективных ожиданий не является неукоснительным для субъекта. Следовательно, культурное самоопределение субъекта предполагает его самодетерминированность (внутри которой трансформируется влияние социальных структур и статусов), то есть активную интерпретацию моделей культурного развития, представляющих другие общности и индивидуальности и соотнесение с ними. Стержень культурной идентификации всегда проходит через индивидуальность, творчески осваивающую культурный мир и поэтому остро нуждающуюся в выявлении своей самости. Отношение к другим культурным общностям и индивидуальностям является шагом на пути к главной цели – постижению, выражению и утверждению самости, обретаемой в процессе поиска собственного смысла жизни как оправдания своего существования. Если в исторической эволюции социальной идентификации активность индивидуальности начинает проявляться только по мере усложнения социальных систем, нарастания их дифференцированности и ослабления жесткости межструктурных связей, то в мире культуры отношение индивидуальность – общность всегда играло конституирующую роль и

выражало важные для субъекта экзистенциальные смыслы. Потребность в осознании и обозначении индивидуального была присуща уже эпохе античности и в разной степени проявлялась в последующих исторических социокультурных типах, включая традиционную и тоталитарную культуры. Это, разумеется, не означает, что субъект культуры выявляет свою самость только через индивидуальные формы. Особенность культурного мира состоит в том, что это – жизненный мир этического, религиозного поиска, пронизанный эмоциональными ценностными переживаниями не только индивидуальными, но и коллективными, присущими, например, историческим, национальным, различным групповым общностям. Эти ценностные переживания и смыслы присутствуют как на ментальном уровне, так и в действиях и рефлексиях субъектов культуры, которые постоянно нуждаются в обнаружении и культивировании своей самости. (Здесь и в дальнейшем понятие «самость» употребляется в широком смысле как квинтэссенция субъектности, в выявлении и осознании которой субъект в высшей степени заинтересован, ибо она составляет его экзистенциальную основу. Индивидуальная самость – разновидность такого значения). Отсутствие устойчивых и объективных основ структурирования субъектности в смысловом пространстве культуры обуславливает потребность в знаковой системе, объективирующей культурные смыслы, благодаря которой культура обретает свои формы, становится реальностью, данной восприятию ее субъектов. Иначе говоря, культура – символическая реальность и «самость» ее субъектов также является символизирующей и символической. Соответственно, процесс самоидентификации субъекта в культуре происходит через обработку символических границ, решающих для «я»-идентичности и групповой идентичности. Эти границы взаимно зависимы и переменны, в то время как социальные границы, по сравнению с ними, оказываются более независимыми и константными.

В современных науках о культуре культурную идентичность определяют следующие черты: соответствие личности определенному

социальному образу культурной объективации, связь со специфическими образцами и комбинациями образцов, переосмысление гешталтов, связь с критериями различия и узнавания, конституирование из символов, выбор между культурными альтернативами, экзистенциально-этическая мотивация этих действий. Таким образом, культурная идентификация выступает как движущая и креативная сила символизирующей деятельности, как структурная основа культуры – форма обнаружения и выражения ее субъектности. Чем менее общество диктует порядок межсубъектных отношений, тем больше компонентов участвует в процессе культурной идентификации субъектов, которая, компенсируя жесткость социальных членений, свидетельствует о более сложной организации субъекта культуры, формирующегося в пересечении многих значений: идущих из прошлого и устремленных в будущее, согласованности ментальных, мировоззренческих, поведенческих форм, эпохальных, национальных, классовых, профессиональных, индивидуальных ориентаций. В рамках одного социума могут существовать разные относительно нейтральные к социуму субъекты культурного самоопределения. Одной из важнейших форм и способов осуществления персональной и коллективной культурной идентификации и ее вхождения в социальную идентификацию субъекта является стиль (стиль жизни, стиль поведения, стиль искусства, стиль мышления, стиль культуры), который служит параметром социокультурной интегрированности, связи социума и духовной жизни.

Исторические типы культуры представляют собой разные типы субъективной реальности, с присущими им дифференциацией и соотношением субъектов, с различным содержанием самости, степенью его выраженности в формах жизнедеятельности. Каждой культуре свойственно свое соотношение глобальности и локальности, всеобщности и индивидуальности, монологичности и диалогичности, что обуславливает особые формы идентификации субъектности. В истории культуры было немало прецедентов взаимопроникновения локальных культурных форм, в

результате которого возникали новые объединения, выражавшиеся в формировании новых более глобальных культурных образований, как например, четыре основных мировых религии (христианство, ислам, Индия и Дальний Восток), объединившие страны с разными национальными языками. культурным прошлым, разными ритмами развития. Возникновение объединенных культурных образований совсем не обязательно приводит к поглощению или подавлению существовавших ранее самобытных форм культуры. Так, в периоды длительного господства империй в разных регионах мира сохранялись национальные языки и обычаи. Убедительным примером может служить и история Европы, в которой оригинальные национальные культуры не только сохранялись, но и самобытно развивались будучи объединенными общими стилевыми течениями (готика, ренессанс, барокко, классицизм, романтизм имели как общие, так и национально неповторимые формы). Европейская культура также прошла длительный путь распространения эклектизма как стилевой рядоположенности. Таким образом, в разных условиях процесс глобализации мог и не приводить к усреднению и унификации, скорее это одно из его возможных производных и побочных последствий, а не атрибутивное свойство.

Отметим также, что в историческом опыте самосознания культуры идея всеобщности, всецелостности, универсальности на протяжении многих столетий не воспринималась как угроза, а скорей, наоборот, выступала как некий культурный идеал. Прообраз единого мира заложен в основных мировых религиях, в идее суперэкуменизма, в различных гуманистических концепциях, к поиску универсалий стремилась философская мысль, этические учения искали основания для солидарности человечества через установление смысла и форм взаимной ответственности, искусство воссоздавало образ единства и целостности мира сначала на основе традиции, а с 19 века велись поиски универсального художественного языка. Таким образом, можно заключить, что культурный опыт исторического прошлого человечества не отвергает возможности глобального

воссоединения и даже полагает его благом. Следовательно, проблема не в существе, а в путях осуществления этого процесса.

Петербург В контексте проблемы изучения взаимоотношения процесса глобализации (взятого в широких исторических рамках, а не только в его современном варианте) и культуры Санкт-Петербург, как специфический социокультурный феномен, вызывает повышенный исследовательский интерес. Уникальность этого города, как объекта рассмотрения, состоит в том, что его историческая жизнь вмещается в относительно короткий период времени, в течение которого произошло взаимное наложение нескольких культурно-исторических эпох. Город стал местом сопряжения противоположных моделей развития (европейской и азиатской, восточной и западной, феодально-монархической и буржуазно-демократической). Здесь на протяжении исторически короткого периода происходил процесс встречи, столкновения, взаимоналожения множества разнонациональных культур, интенсивно происходила людская разнонациональная миграция с противоположными жизненными укладами и стилями мышления и поведения. Здесь столкнулись разные модели социально-политического, экономического и культурного развития (централизованного и спонтанного, управления и самодвижения). Но этот процесс не привел ни к обезличиванию, ни к усреднению, ни к подавлению различий, а напротив, сформировал новое уникальное культурное образование, свидетельством наличия которого стало существование самобытного петербургского стиля, который, в свою очередь стимулировал рождение и яркое культурное самовыражение многих творческих индивидуальностей. Плоды их деятельности стали достоянием петербургской, российской, европейской и мировой культур.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант 03-06-80369а